

Иван Смирнов.

О волжских болгар-чуваших

В.Димитриев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Профессор Казанского университета Иван Николаевич Смирнов (1856-1904), русский, был глубоким знатоком истории, быта, культуры и языка финских народов Поволжья и Приуралья, а также северных финнов-суоми, карелов, эстонцев и других, опубликовал монографии "Черемисы: Историко-этнографический очерк" (Казань, 1889), "Вотяки: Историко-этнографический очерк" (Казань, 1890), "Пермяки: Историко-этнографический очерк" (Казань, 1891), "Мордва: Историко-этнографический очерк" (Казань, 1892).

Еще до обоснования Н. И. Ашмариным теории болгаро-чувашиской этнической и языковой преемственности И. Н. Смирнов отождествлял волжских болгар и чувашей и в названных выше монографиях указывал на значительное хозяйственное, политическое, культурное и языковое влияние болгаро-чувашей на финские народы Поволжья и Приуралья. Свидетельствами этого влияния являются заимствованные из болгарского языка в финские языки слова, соответствующие нынешнему чувашскому языку.

И. Н. Смирнов одним из первых обратил на это внимание и сделал на основании заимствованных слов заключение о характере влияния болгар на финские народы Поволжья и Приуралья. Вслед за ним финские (Х. Паасонен, В. Вихман, А. М. Ряснен), венгерские (Б. Мункачи, З. Гомбоц, А. Рона-Таш, Г. Берецки), чувашские (В. Г. Егоров, М. Р. Федотов), русские (Н. И. Ашмарин, И. Г. Добродомов) ученые обнаружили в марийском языке около 1500 чувашских слов, в удмуртском - 500, мордовском - более 100, в коми - свыше 300, в венгерском - около 600, восточнославянских языках - до 300 чувашских слов, вошедших в указанные языки примерно с VII - XIV века до полного опустошения Болгарской земли Золотой Ордой в конце XIV - начале XV веков.

Чувашизмы свидетельствуют не только о влиянии болгар на соседние народы, но и об уровне социально-экономического, политического и культурного развития самого болгарского народа. То, что означал чувашизм, было у самих болгар. По чувашизмам можно сделать вывод, что скотоводство, земледелие, огородничество, ремесло и промыслы, строительное дело, обмен и торговля, быт и культура, военное дело волжских болгар в VII - XII веках находились на довольно высоком уровне, но у болгар еще не было каменного зодчества, развитой металлургии, господствовавшей мусульманской религии и пр.

И. Н. Смирнов впервые назвал болгарский язык древне-чувакским языком, впервые ввел понятие болгарская цивилизация и показал ее роль в развитии финских народов – Поволжья и Приуралья в средневековье.

В своих трудах И. Н. Смирнов называет марийцев черемисами, удмуртов - вотяками, коми - пермяками и зырянами (в VII - XIII веках коми проживали южнее, в основном, в Пермской земле). Более подробно он разработал вопрос о болгарском хозяйственном, торговом, культурном, политическом и языковом влиянии на марийцев.

Считаю целесообразным предложить для печати отрывок из его монографии "Черемисы", представляющий важный аргумент в защиту теории болгаро-чувакской этнической и языковой преемственности. Отрывок публикуется под названием "О влиянии волжских болгар на черемис".

И. Н. Смирнов правильно указывает на отсталость чувакского народа в конце XIX века, что явилось следствием 700-летнего пребывания чувакшей под монголо-татарским игмом и колониальным гнетом Московской и Петербургской империй. Ведь в конце XIV-начале XV веков были уничтожены все 32 города и около 2000 селений в Болгарской земле - на территории нынешних Самарской, Ульяновской и восточной части Пензенской областей, закамской и юго-западной части Татарстана и юго-восточной части Чувашии. Вся эта территория была превращена в "дикое поле". Оставшиеся в живых "худые болгары"-чуваки бежали в Приказанье, Заказанье (в Чувакскую даругу) и в центральные и северные районы Чувашии. Болгарская элита и горожане были перебиты.

Чувакский этнограф и историк Г. И. Комиссаров в начале XX века подчеркивал, что иные русские и других национальностей ученые недоверчиво относятся к теории болгарского происхождения чувакшей, видя отсталость чувакшей в конце XIX - начале XX веков. Таким ученым казалось невозможным отождествлять высокоразвитых для своего времени волжских болгар X - XII веков с чуваками конца XIX -начала XX веков. Но это был иллюзорный скептицизм.

И. Н. Смирновым опубликован ряд других статей о народах Поволжья и Приуралья. Не потеряла своего информационного значения его статья "[Чуваки](#)" в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в которой он также пишет о болгарском происхождении чувакшей. В год своей смерти И. Н. Смирнов в I томе "Книги для чтения по русской истории" под редакцией М. В. Довнар-Запольского напечатал статью "Волжские болгары". Эта статья была повторно помещена в I томе сборника "Русская история в очерках и статьях" под редакцией того же М. В. Довнар-Запольского. Ныне ее не знают не только широкие круги читателей, но и научные работники, учителя. Мы приводим ее в настоящей публикации в полном виде.

После принятия 9 августа 1944 года постановления ЦК ВКП(б) "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации", по которому было запрещено увязывать историю татарского народа с Золотой Ордой (Улусом Джучи), казанские авторы перешли на лженаучные позиции в объяснении этногенеза чувашского и татарского народов. В статье "Идегеево побоище" ЦК ВКП (б)", опубликованной в журнале "Родина" (1997, ^с 3-4), И. Л. Измайлов пишет о названном выше партийном документе: "В одночасье Улус Джучи, его население, культура и государственные деятели канули в небытие, а татары на своей земле стали безродными космополитами. Зияющую брешь, образовавшуюся на истории Улуса Джучи, было решено заполнить "местными болгарскими корнями". Научно обосновать это решили на "научной сессии о происхождении казанских татар" (25-26 апреля 1964 г.), проведенной Отделением истории и философии АН СССР и Казанским филиалом АН СССР. Выступившие историки, археологи, тюркологи и антропологи единогласно предложили впредь считать современных татар потомками волжских болгар, а Улус Джучи рассматривать лишь как чисто внешнее явление в этнической истории татарского народа". После 1946 года казанскими авторами изданы десятки необъективных книг и сотни таких же статей о "болгарском происхождении татарского народа".

Теперь даже некоторые чувашские авторы полностью перешли на позиции казанских. Чуваш Я. Ф. Кузьмин-Юманэди, пригласив в соавторы самого яркого противника ашмаринской теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности М. З. Закиева, выпустил книгу "Волжские болгары и их потомки" (Казань, 1993). В ней декларируется, что древними предками чувашей были хунны-монголы, которые, оказавшись в Восточной Европе, тюркизировались в Хазарии в мифических проточуваши, не имевших никакого отношения к волжским болгарам - предкам казанских татар. Хазарские проточуваши-хунны оказались каким-то образом на Волге в виде чувашского народа.

Я. Ф. Кузьмин-Юманэди прислал бывшему директору Чувашского института гуманитарных наук доктору экономических наук С. Р. Малютину рукопись "Путешествие в прошлое чувашского народа (Исторические этапы формирования чувашского этноса, его языка и культуры)" на 211 страницах для публикации. С. Р. Малютин, переложил положения

рукописи Я. Ф. Кузьмина-Юманادي и выпустил свою книгу "Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. I Хуннская эпоха" (Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 80 с.).

В письме от 4 декабря 1997 года на имя С. Р. Малютина, копия которого прислана автором в ЧГИГН для сведения, Я. Ф. Кузьмин-Юманادي пишет: "Признаюсь, вначале, когда прочитал Вашу брошюру "Проблемы этногенеза...", то сильно разозлился на Вас за Вашу ложь, за утверждение, что Вы будто первый пришли к выводу о хуннском происхождении чувашей... хотя при написании этих слов перед Вами уже лежала моя рукопись... Ведь я посылал рукопись для обсуждения с местными историками и для публикации, а Вы, оказывается, не обсуждали ее и даже никому не показывали, а быстренько сделали с нее свою статью (то есть брошюру. - В. Д.) И издали. Но меня волнует не столько Ваш поступок, сколько состояние избранной мною научной проблемы, которую Вы, кстати, одобрили и к которой благо разумно присоединились, *отказавшись от господствующей болгарской теории*. За это Вам спасибо. В сущности Ваша брошюра мне даже нравится, потому что *она отвергает болгаро-чувашскую концепцию и пропагандирует мою концепцию...*".

Академик М. Р. Федотов убедительно показал в своей рецензии "К вопросу о хунно-чувашских этнолингвистических связях" полную несостоятельность попытки С. Р. Малютина "утверждать" об этническом равенстве между древними хуннами и современными чувашами. "Попытки С. Р. Малютина опровергнуть обоснованную И. И. Ашмариним теорию болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности не увенчались успехом, контртезисы оказались не аргументированными. "Аргументы" против ашмаринской теории, позаимствованные из книги М. З. Закиева и Я. Ф. Кузьмина-Юманادي "Волжские болгары и их потомки", не заслуживают доверия" (Известия НАНИ ЧР 1996 №2. С.37-44).

Замечание нашего выдающегося лингвиста не отрезвило С. Р. Малютина. Он написал и при поддержке ряда ученых ЧИНГН (А. П. Хузангая, Г. Б. Матвеева, А. К. Салмина, Г. Г. Иванова и др.) издал вторую книгу "Этногенез чувашского народа" (Чебоксары: ЧГСХА, 2000). В ней он повторно попытался опровергнуть теорию Н. И. Ашмарина о болгарском происхождении чувашей в угоду "гипотезы" о болгарском происхождении казанских татар. Позиция автора в ней определяется той же рукописью Я. Ф. Кузьмина-Юманادي. Данные об исторической базе, историографии, проблемы взяты из монографии В. Ф. Каховского "Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории" (Чебоксары: Чуваш, кн. изд-во. 1965). Учение Н. И. Ашмарина о болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности С. Р. Малютин называет гипотезой (с. 12), пытаясь уверить, что Ашмарин "никогда не видел себя в роли основоположника теории этногенеза чувашей" (с. 17).

Бессильный опровергать выводы Н. И. Ашмарина, автор свои стрелы направляет не на него, а на сторонников ашмаринской теории - В. Ф. Каховского и др. В угоду "гипотезы" о болгарском происхождении татар автор пытается опровергнуть сделанные Н. И. Ашмариным в книге "Болгары и чувашаи" (Казань, 1902) выводы: 1) "Язык волжских болгар тождествен с современным чувашским" (с. 38); 2) "Современные нам чувашаи представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар" (с. 49). Но ему это не удалось.

Рукопись второй книги С. Р. Малютина была направлена на рецензирование крупнейшему исследованию археологии Поволжского ареала доктору исторических наук профессору Г. А. Федорову-Давыдову, работающему в Институте материальной культуры РАН. Рецензент в своем отзыве указал: "Тема, выбранная С. Р. Малютиным, очень сложна и трудна. И я не могу сказать, что ... проблема этногенеза чувашей решена в рецензируемой работе. Автор составил свой труд компилятивно, излагает чужие мнения и чужие исследования, не всегда точно, материал расположен сумбурно. Автор перескакивает с одного предмета на другой. Нет обоснования главного: почему гунны - предки чувашей. Он их даже называет гунны-прачувашаи. Аналогии тем скудным сведениям о быте, культуре и обычаях гуннов чувашскому этнографическому материалу слишком общи и ни о чем не говорят (культ деревьев, например). Лингвистические данные приведены в виде беглых замечаний, без собственного исследования, изложены по чужим работам. А без них вряд ли проблема может быть решена... Я не считаю возможным рекомендовать рукопись С. Р. Малютина к печати". Однако теперь можно издавать книги без чьей-либо рекомендации. Автор в книге даже не указал, что ее рецензентом был Г. А. Федоров-Давыдов. Ограничился только указанием рецензентов А. П. Хузангая и Г. Б. Матвеева.

Известный башкирский археолог доктор исторических наук профессор Н. А. Мажитов, выступая на международной конференции "Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность" (9-13 июня 1992 г., Казань) с докладом "За объективное освещение истории Волжской Болгарии и Золотой Орды", справедливо указал, что городам, социально экономическим отношениям и культуре Волжской Болгарии домонгольского периода некоторые казанские археологи приписывают черты золотоордынского времени, которые еще отсутствовали в Волжской Болгарии конца IX начала XIII веков, что не соответствует истине утверждения о том, что "современные поволжские и приуральские татары являются прямыми потомками волжских болгар", что невозможно не признавать "роли болгарского компонента в этногенезе чувашского народа".

Отказываясь от собственной истории татарского народа, подменяя ее болгарским прошлым, некоторые казанские авторы стали на путь идеализации деревянной Волжской Болгарии, фальсифицированной передачи ей достижений татарского народа в

золотоордынский период в области экономики, в частности, металлургии, каменного зодчества, науки и мусульманской культуры. Н. А. Мажитов приводит конкретный пример: высокий экономический потенциал, каменное зодчество, развитая культура города Биляра были созданы не в домонгольский период, как утверждал А. Х. Халиков, а золотоордынскую эпоху, сам город Биляр погиб не в 1236 году, его гибель связана с походами Тимура 1391 и 1395 годов. (Языки, духовная культура и история тюрков, традиции и современность М.: "Иксан", 1997, Т.Ш с. 13-15).

Вследствие переноса достижений татарского народа на волжских болгар казанские издания о волжских болгарях послевоенных десятилетий невозможно считать научными и пригодными к использованию. В казанских изданиях о волжских болгарях вовсе не используются результаты исследований финских и венгерских ученых Х. Паасонена, В. Вихма-на, А. М. Рясенена, венгерских ученых Б. Мункачи, Д. Ме-сароша, З. Гомбоца, А. Рона-Таша и др. В отличие от казанских изданий послевоенных десятилетий, труды И. Н. Смирнова о волжских болгарях объективны и достоверны.

Видный татарский археолог и историк, доктор исторических наук Р. Г. Фахрутдинов в книге "Золотая Орда и татары. Что в душе у народа" (Набережные Челны: Издательство "КамАЗ", 1993) снова подтвердил достоверные научные положения о том, что тюркоязычные татары известны в письменных источниках с 552 года, что они пришли в Восточную Европу вместе с монголами Бату только в 1236 году, что единая татарская народность сформировалась в Золотой Орде в XIV-XV веках путем объединения татар с западными кыпчаками (половцами), переселившимися в южные восточноевропейские степи еще в середине XI века и родственными с татарами по языку и культуре. Однако решение научной сессии 1946 года до сих пор поддерживается многими казанскими авторами. Даже руководители современного Татарстана заявляют, что татарская государственность возникла в начале X века в лице Волжской Болгарии.

Объективно написанная статья И. Н. Смирнова "Волжские болгары", опубликованная еще в 1904 году, опровергает все измышления казанских и чувашских авторов о "булгарском происхождении татарского народа".

Ныне устаревшие этнонимы оригиналов работ И. Н. Смирнова в настоящей публикации сохранены. В текст очерка "О влиянии волжских болгар на черемис" нами вставлены в квадратных скобках чувашские слова, соответствующие чувашизмам в марийском языке. При сравнении чувашизмов в марийском языке с чувашскими словами следует учитывать давно выясненную лингвистами фонетическую закономерность: в заимствованных марийским языком словах звук "сь" (чув. =) других языков превращается в звук "с".

1. О ВЛИЯНИИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР НА ЧЕРЕМИС

В настоящее время соседями черемис из тюркских народов являются чуваш и татары. Татарское влияние начинается в относительно позднее время - не ранее XIV в. К этому времени татары сами едва усвоили, вероятно, элементы болгарской цивилизации. По географическим условиям татары могли главным образом влиять на восточных черемис. Западные находились под их властью, но приходили в соприкосновение, несомненно, только во время общих военных предприятий. Если, несмотря на эту разницу в положении западных и восточных черемис относительно татар, мы находим у обеих групп почти одинаковое количество заимствованных слов тюркского происхождения, то мы должны отнести эти заимствования на счет другого народа и к периоду, когда западные и восточные черемисы еще не разделялись. По своему звуковому составу большая часть нетатарских заимствований тождественна с словами чувашского языка. Говорить о культурном влиянии чуваш на черемис в настоящее время может показаться странным: чуваш ничем не культурнее черемис, горные черемисы даже развитее их и смотрят на них с пренебрежением. Но существует весьма основательная гипотеза, что это племя представляет собою потомков болгар, создавших цивилизации Среднего Поволжья.

Рассмотрение заимствованных черемисами у чуваш слов показывает, что культурное воздействие тюркских народов на черемис было громадно. Под тюркским влиянием у черемис создался переход от охотничьей жизни к скотоводству и земледелию; сложился оседлый быт, домашняя обстановка, костюм, возникла торговля и связанная с нею экономическая дифференциация, явились зародыши общественной организации, получили дальнейшее развитие верования.

В период сближения с болгарами черемисы знали общефинскую коническую коту, которая, вероятно, сохранилась и до настоящего времени, исполняя функцию овина. Под болгарским влиянием развивалась дальнейшая история черемисского жилища: явилась курная изба (перт [чув. пёрт/ сурт [чув. сурт/ с очагом и дымовым окном (возак, комака [чув. Кāмака], тюнок [чув. тўне, тунёк/). Около избы поместились погреб (нореп [чув. Нўхреп], баня (монча [чув. Мунча]), хлев для скотины (вюташ [чув. вите ашё/). Вокруг всех этих построек явилась изгородь (пахча [чув. Пахча], сарай [чув. Сарай]) с воротами (капка [чув. Хапха]. Осевший на одном месте черемисин обзавелся скотом (волик [чув. Выльāх]), который состоял по примеру учителей из лошадей (алаша [чув. Лаша]) и овец (шорок [чув. Сурāх], тага [чув. такаУ, патя [чув. пугек], познакомился с ценою покрытых травой пространств и обозначил их особым именем (опок (чув. у пах, олаху, научился устраивать для скота загороди в лесу и на лугах (отар [чув. утар, отар]), почувствовал необходимость собирать скотину в стадо (кюто [чув. кёту]), охранять ее при помощи *пастуха* (кютозо [чув. кётўсё]).

-""БоТтгары научили черемисина готовить кислое молоко (орень [чув. уйран, ойрану), сыр (тубурт [чув. тап§рчу). Для ухода за скотиной в зимнее время он заимствовалд> соседей корыто (волак [чув. вЗлакУ).

За скотоводством черемисин стал обучаться у болгарина и земледелию, отделил от пастбища пашню (пасу [чув. пуса, пойсйу), познакомился с орудиями земледельческого труда: с сохой (ага [чув. ака «плуг»У), косой (саба [чув. ?аваУ), вилами (шаник [чув. сенек/), с некоторыми видами злаков, главным образом с овсом (шуле [чув. селе]), научился делить поля на полосы (анга [чув. анаУ), оставлять между ними межи (йыран [чув. йЗранУ), научился косить сено (солаш [чув. раласУ), складывать его в стога (кабан [чув. капанУ), обратил внимание на солому (олом/чув. упам, оламу) и навоз (тбрсь [чув. тислёку). Под влиянием болгар около черемисского двора возник огород (пахча [чув. пах-ча]), на котором черемисин сажал некоторые овощи - лук (шо-ган [чув. суханУ), чеснок (укро [чув. ыхраУ), редьку (ушмен [чув. кашману]); здесь же, если позволяло место, он сажал яблоню (олма [чув. улма, улмдри, улма йыва??иУ). Из овса, который черемисин, по-видимому, начал сеять прежде всего, он по примеру болгар стал готовить лепешки (эгерче [чув. икерчёу) и похлебку (яшка [чув.-яшка]). Для перевозки хлеба черемисину пришлось заимствовать у своего соседа телегу (ораба [чув. ура-па. орапаУ) и упряжь - дугу (тюго [чув. пёкёУ), хомут (сюсьпан [чув. сусмену), узду (сорлык (чув. ?аварлах "удила'У), выучиться убирать запряженную лошадь (туараш/чув. таварасУ). Устраивая упряжь, пришлось познакомиться с цепями (шынжар [чув. санчарУ), веревками (кандра [чув. кантраУ), гвоздями (пуда (чув. патаУ) и крючками (сакля [чув. рекёлУ).

Пол. болгарским влиянием сложилась и домашняя обстановка Под болгарским влиянием сложилась и домашняя обстановка черемисина - в избе явил_ись полати (синдеря [чув. сентреД скамьи (теньчел [чув. тенкелУ), стулья (пюкень [чув. пуканУ).

Живя рядом с соседями, к которым приезжали гости из далеких азиатских стран, черемисин узнал, что лишняя для собственного употребления вещь может не валяться дома, а быть променена, что есть места, где люди меняются вещами (пазар [чув. па-сарУ), что вывезенные на промен вещи называются товаром (сату (чув. сугуУ), что иногда вместо вещей дают кусочки металла, на которые в обмен можно приобрести всякую вещь - деньги (окся [чув. укра, окраУ, что есть определенное отношение между этими кусочками металла и разнообразными вещами, вымениваемыми на них - цена (ак [чув. хакУ), что обмен иногда приносит прибыль (перке [чув. перекетУ), иногда убыток (сыян [чув. сиенУ), и в зависимости от этого люди становятся богатыми (пойан [чув. пуян, поянУ) или бедными (йорло [чув. юрлаУ), что бедняк может взять у богатого денег на время в долг (парм [чув. парамУ) с обязанностью уплатить (тюляш [чув. туллес)), что есть люди, которые промышляют, давая в долг деньги - ростовщики (осламщик [чув. усламра, осламграу), что деньги, наконец, можно приобрести не только за

товар, но и за труд, и есть у соседей целый класс таких людей, которые называются работниками (тарзе [чув. тарраУ), люди же, дающие им деньги, называются хозяевами (оза [чув. хура, хораУ).

У этих богатых, сравнительно с ним, людей дикарь-охотник увидел комфорт, о котором он и не грезил в своих лесах: они мылись мылом (шабон [чув. супаньУ), спали на перинах (тюшак [чув. тушекУ) и подушках (кюпчик [чув. купчеку), защищаясь занавесками или пологами (чаршау [чув. чаршавУ) от мух и комаров, в то время, когда он лесовал, не умывая, может быть, по целым неделям лица, спал на моху или на земляном полу своей куды и терпеливо пропитывал своей кровью целые тучи насекомых. Кое-что из всех этих вещей он усвоил сейчас же, кое-что запомнил по названию на всякий случай. Жена лесовика тоже

присматривалась к житью-бытью своих соседок и нашла у них немало новых для себя и полезных вещей. Соседки были запасливые хозяйки: у них были и кадки (ляигыш [чув. ленкесУ), и корыта (волак (чув. валак, валашкаУ), и начевки (тагана [чув. така-наУ); они пряли нитки на прялках (кюнджала [чув. кёнчелеУ) и на них же изловчались расшивать (тюрляш [чув. тёрлесУ) цветной шерстью и шелком свои рубашки. Одевались соседки красиво: носили вышитые рубашки, голову покрывали сзади длинным и узким расшитым полотенцем (шарпан [чув. сурпанУ), которое придерживалось на передней части головы узкой вышитой лентой (нашмак [чув. масмакУ), а сверх всего этого высокой, унизанной деньгами повязкой в виде шапки, с лентой, спускавшейся сзади до пояса и также унизанной деньгами (хошпу [чув. хушпу, хошпуУ), с шеи на грудь спускалось у них своеобразное ожерелье, состоявшее из длинного ремня, унизанного деньгами (ама [чув. амаУ), к нему прикреплялся широкий кусок

кожи, покрытый монетами (шульгеме [чув. шулкемеУ). Черемиска понемногу переняла и одежду соседок и дом свой усвоила так, чтобы не стыдно было перед ними, у ней тоже завелись и лянгыши, и волаки, и тагана. тагана. Присмотревшись попристальнее к житью-бытью соседей, черемисы увидали, что они не по одной обстановке да по занятиям отличаются от последних. В то время, как каждый черемисин знал только самого себя да еще то, что человек, говорящий с ним одним языком, такой же мари, как и он; соседи жили вместе по несколько семей: у них были деревни, которые назывались кош [чув. касУ, ял [чув. яг,] или пулах, города (хода) [чув. хула, холаУ, прорезанные улицами (урэм [чув. урамУ); они знали народ (ка-лык [чув. халахУ), состоящий из совокупности семей (йеш (чув. йышУ), говорящих одним языком. Черемисин был волен в своих поступках, соседи жили, подчиняясь порядкам, правилам (ерге, нерге (чув. йёрке]), налагаемым общежитием, хотя имели понятие и о свободе (ирик [чув. ирёкУ); с точки зрения этих правил оценивали поведение человека, признавая его справедливым (тюрь, чин (чув. туре, чанУ) или несправедливым, у них были люди, наблюдавшие за соблюдением порядков - судьи, начальники (торя [чув. туреУ), облеченные властью наказывать (орлык (чув. айапласУ) и миловать (серлагаш (чув. рырлахасУ). К ним обращались с жалобами обиженные; соседи знали, что жалобы бывали иногда ложны и обозначали их особым словом-клевета, ябеда (алак [чув. элекУ). Людям, чинившим суд, уплачивалась подать (йозак [чув. есакУ).

Черемисин знал юму или многих юм, заведовавших отдельными областями природы; он просил у них помощи в своих предприятиях, приносил им жертвы и этим исчерпывались его отношения к божеству. Он не отдавал себе отчета в том, что такое представляет собою знание бога, как назвать те мольбы, с которыми он обращается к богам. Соседи понимали дело лучше его. Арабские миссионеры просветили их и научили называть познание бога верой (тэн [чув. тёнУ); те же миссионеры рассказали им, что у бога есть пророк (пи-амбар [чув. пихампарУ) и ангелы, между которыми занимает место и смерть (Азрин-Азраиль [чув. ЭсрелУ). Соседи сами, кроме того, без миссионеров знали, что богов нельзя только призывать, когда уходишь на охоту или на какое другое предприятие, что им нужно стараться угодить поведением, что есть поступки, неприятные им-грехи (сулык [чув. рылах/, за которые загробный судья (киамат-, тора [чув. хаямат туреУ) повергает в бездну (тамык [чув. тамйку). Наконец, соседи очень обстоятельно уяснили себе причину зла в мире: черемисин догадывался, что это проделка злых покойников, которые и после смерти не оставили своих привычек; соседи вразумили его, что это дело особых духов (шайтан [чув. шуйтанУ) [чув. иеУ). Соседи научили черемисина вообще разбираться в окружающих его явлениях. Они поведали ему, что для обозначения всего окружающего человека есть особое слово- мир (сандылык [чув. ран-талаку), что Бог и небо не одно и то же, что Бог пусть называется юмо, а небо, как часть природы - тюнъча [чув. тёнчеу, тюня, что у каждого

рода явлений природы есть свой дух - вадьш [чув. вутЗшу, что нельзя в одном слове смешивать понятия: человек, душа, дух, дыхание (ин, енг). Для понятия о человеке вообще они дали слѣво айдем [чув. этем), о душе - чон [чув. чун, чонУ, о духе, дыхании - шюлюкш [чув. РывлЗшу. От соседей черемисин научился различать душевные силы и состояние - ум (уш [чув. ЗсУ), волю (ирик [чув. ирѣкУ) и чувствования, ощущения (иуж [чув. сисУ). Отношения к женщине у соседей также слагались иначе, чем у черемис. Беспорядочные сношения между полами признавались здесь пороком и клеймились именем разврата (яжор [чув. ясар/), каждая пара со своими детьми составляла особую группу, которая называлась семьей (йеш [чув. йѣшУ); женщина, связавшая свою жизнь с жизнью мужчины, называлась его товарищем, спутником (йолдаш [чув. юлташ, йол-ташУ); сожительство мужчины и женщины устанавливалось с согласия родителей последней, которые получали за нее выкуп (калым [чув. хулЗМУ), женщина, у которой умер муж, занимала особое положение среди женщин и девиц своего общества и называлась вдо вой - тулук [чув. тЗлЗх/. Все эти новые явления вошли постепенно и в черемисский семейный строй.

2. ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ _____'

Угол, образующийся от слияния Камы с Волгой и захватывающий нынешние Спасский и Чистопольский уезды Казанской губернии, является центром поселений болгар- народности, которая когда-то имела очень значительное влияние на развитие^ культуры Поволжья, вверх от Казани до границы нынешней Ярославской губернии (включительно) и вниз до границ Саратовской. Здесь в тридцати верстах от устья Камы, на левом берегу Волги, в окрестностях и в пределах нынешнего села Успенское (Болгары) сохранились еще развалины болгарских зданий- мавзолеев, мечетей, «палат», дворцов; здесь же в глубине уезда близ с. Кузнечиха обнаружено в последние годы, но еще не исследовано, обширное городище - остатки другого болгарского города Суvara (Свар по произношению местных чуваш); дальше на восток в Чистопольском уезде, около пригорода Билярс-ка обнаружены многочисленные следы третьего крупного поселения Камско-Волжской Болгарии, Бюляра; чистопольские татары и чуваша и теперь еще называют Билярск - Бюляр. На север от Билярска по обеим берегам Камы до Елабуги, Вятской губернии, идет ряд менее значительных городищ- остатки мелких болгарских городов вроде

Жукотина и др. Река Белая- при- , ток Камы, орошающий Уфимскую губернию, была, кажется, границей камско-волжских болгар на востоке, где они уже соприкасались некогда с мадьярами.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР В конце IX в. и начале X, когда в Болгарии водворился ислам и завязались тесные сношения с арабами, болгары делили с хазарами обладание побережьями Волги от Казани до Астрахани и были полными хозяевами Верхнего Поволжья и Камы. Вопрос о народности волжских болгар давно занимает ученый мир, главным образом, в силу того значения, которое он имеет по отношению к болгарам дунайским. Болгары дунайские пришли с востока из южнорусских степей; созвучие слов Болгар и Волга давало еще в средние века повод выводить дунайских болгар с Волги. Предков дунайских болгар считали и славянами, и тюрками, и финнами. Вдаваться в разбор этих гипотез было бы излишне. Наука располагает в настоящее время фактами, позволяющими с полной определенностью решить вопрос о месте болгар в семье урало-алтайских народов; факты эти дает начинающееся научное исследование финских и тюркских языков учеными Венгрии и Финляндии. Исследования эти выяснили, что в языках мадьярском и угорском, зырянском, вотяцком, черемисском и мордовском сохранился ряд чуждых тюркских слов, которые объединяются одним признаком- фонетическими особенностями, характеризующими современный чувашский язык и ранние ступени его развития, которые дают возможность предполагать сравнительное исследование тюркских наречий. Этот результат лингвистических финно-угорских изысканий прежде всего, конечно, можно было бы истолковать в том смысле, что было время, когда чувашаи держали под своим культурным влиянием'всех угро-финнов востока. Но чувашаи становятся известными истории лишь с XVI в. Это обстоятельство заставляет изменить вы вод: угро-финский мир в период, предшествующий движению мадьяр на запад, находился под культурным влиянием какой-то тюркской народности, весьма близкой по языку к нынешним чувашам. Эта формула заменится определенной величиной, если мы примем в расчет факт, констатированный исследованием языка болгарских надписей XIII - XIV вв.: здесь были замечены слова - числительные и другие, которые по своему фонетическому типу оказываются близкими к нынешнему чувашскому языку. Наличие чувашизмов в памятниках XIII -XIV вв., когда, как уже сказано было выше, чувашаи, как таковые, истории еще были неизвестны; в словах, которые вкраплены в чуждый арабский текст надписей, как единственный показатель народности, которой служили эти надписи, устанавливает совершенно ясно отношение между загадочным древнечувашским языком и болгарским: древнечувашский язык был языком болгар.

Установивши этот факт, мы пойдем древние чувашизмы в угро-финских наречиях и одновременно определим место болгар в урало-алтайском мире: народом, оказавшим могущественное культурное влияние на угро-финский мир в бассейне Волги и Камы и оставившим следы этого влияния в его наречиях в виде чувашизмов, и были болгары; памятники языка древних болгар, уцелевшие в угро-

финских наречиях, свидетельствуют совершенно ясно, что язык этот, древняя форма нынешнего чувашского - тюркский.

Данные языка позволяют в настоящее время с достоверностью установить тюркское происхождение болгар. Не противоречат этому и черты, которыми характеризуется культура древних болгар.

БЫТ БОЛГАР

С именем "тюрки" у нас соединяется представление о народе, живущем пастушеской жизнью, занимающемся преимущественно коневодством, не знающем оседлости и переносащем с места на место свое характерное жилье - войлочную кибитку. Степень развития, на которой застают болгар наши источники, несколько выше. Остатки бывшего кочевого, пастушеского быта еще сохраняются: по летам болгары выселялись в степь и жили в войлочных кибитках, пищу их составляла, как и у современных тюрков - кочевников, преимущественно конина, конями и конскими шкурами болгары платили дань своему хану, верховой конь служил им и главным средством передвижения, но рядом с этими чертами чисто кочевого быта мы встречаем у болгар зачатки высшей оседло-земледельческой культуры: по зимам они жили в деревянных домах; сочетания этих зимних домов образовали города, которых у них было немало; в пищу, кроме конины, входили продукты земледелия - преимущественно просо; в XII в. Болгария является житницей Верхнего Поволжья в годы неурожая и голода.

Если бы не города, состояние болгар IX - XI вв. можно было бы сопоставить с переходным периодом, который переживали на протяжении XIX в. современные обитатели приволжских степей - башкиры и казахи: и здесь зимовки, деревни зимовок, рядом с войлочными кибитками, и здесь земледелие и просо, как главный его продукт. Города поднимают болгар ступенью выше. Эпитеты, которыми пользуются русские летописцы, говоря о болгарских городах-"великий", "славный", способны вызвать преувеличенные и неверные представления о древнеболгарских городах. Арабы дают более определенный материал относительно этих городов. По сведениям Эль Балхи, в двух из главных болгарских городов - Болгар и Савар, было в X в. до 10000 жителей; по поводу собственно Болгара он же бросает очень важное замечание: (внешний) "Булгар есть маленький город, известный только тем, что он есть *главнейший торговый*

пункт этого государства"; Мукадесси (X в.) относительно Суvara говорит, что его составляли войлочные юрты. В X в., стало быть, "города" Болгарии только размерами отличались от казахских и башкирских аулов, а размеры эти определялись теми экономическими и торговыми интересами, которые стягивали к известным пунктам полукочевое население.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Переход от кочевого быта к земледелию и оседлости совершился у болгар уже на месте - частью под влиянием географических условий, а главным образом под влиянием культурной среды. Те же исследования над заимствованными словами в угрофинских наречиях установили, что земледелие зародилось на территории Волжской Болгарии раньше появления здесь болгар: у югры, зырян, вотяков, черемис и мордвы оказался ряд слов, относящихся к скотоводству и земледелию, которые заимствованы из иранских наречий в пору, когда иранские племена (сарматы) были непосредственными соседями финнов с юго-востока. Эта связь между иранскими и финскими племенами была порвана, несомненно, в эпоху гуннского движения. Но толчок, данный иранцами финнам, сохранил свою силу, и болгары, оторвавшись в V-VI вв. от основной гуннской орды, должны были найти в районе слияния Волги и Камы земледельческое население. Слова, заимствованные финнами в области земледелия у болгар, позволяют предположить, что внесли в развитие волжского земледелия болгары; черемисы и вотяки заимствовали у болгар-чуваши слова для обозначения борозды, пахотного поля, постати-пространства, которое может сделать за день один человек, полосы, пашни, межи, другими словами - термины, относящиеся к такой ступени земледелия, когда ручная, мотыжная обработка почвы уступает место обработке плугом и возникают более или менее обширные правильно возделанные поля. Весьма вероятно, что болгары-завоеватели, подобно обранию русского предания, явились не учителями, а только организаторами подневольного труда туземцев, что они заставили финнов перейти к более интенсивному

земледелию и работать не только на себя, но и на завоевателей. Позднее они и сами могли постепенно перейти от пастушества к земледелию, как перешли к нему еще в XVI - XVII вв. потомки татар.

ТОРГОВЛЯ

Возникновение в районе слияния Волги и Камы городов, как торговых центров, представляется совершенно естественным с момента, как тюрки утвердились на нижней Волге. Еще ранее этого в пределах Средней Азии тюрки вошли уже в сношения с восточной ветвью финнов - югрой - и выменивали на серебряную утварь и чаши, блюда и т.д. - драгоценные меха. Через Урал они тогда еще перебрались в бассейн Камы, принадлежавший той же югре. С водворением хазар на Волге все Поволжье входит в сферу хазарского торгового влияния: болгары начали свою жизнь на Волге как подручники хазар, которым они платили дань наравне с своими соседями буртасами. Поднявшись вверх по Волге до впадения Камы, хазары могли тотчас оценить, какое значение имеет для их торговли территория Волжской Болгарии: те товары, ради которых среднеазиатам приходилось предпринимать тяжелые путешествия на север, могли получаться здесь сплавом по Каме и верхней Волге. Весьма возможно, что первые города и рынки Волжской Болгарии обязаны своим возникновением хазарам: Мукадесси включает, может быть, недаром Болгар и Сувар в число хазарских городов. :: Еще в X в. болгарские товары, по свидетельству Ибн-Раста (Дастан), поступали; прежде всего в руки хазар и от них уже шли далее на восток.

ЖИЛИЩА

В связи с городами следует коснуться вопроса о деревянных домах болгар; Исконным жилищем болгар-кочевников была, конечно, войлочная юрта, которой они по привычке; пользовались и в Болгарии, но рядом арабские писатели говорят о деревянных домах, в которых они, подобно буртасам, жили пода, зимам. В быте первоначально кочевого, степного народа; да деревянный дом представляет собой вещь новую и чуждую, и мы должны уже предположить, что болгары заимствовали его у туземного финского населения. К тому же заключение нас приводит сравнительное исследование форм: жилища у чуваш, черемис, вотяков и мордвы. Финское жилище отражает в своей истории более ранние влияния, германское и литовское. Конический чум из жердей - исконное жилище; бродячего охотника-финна сменился у них с началом оседлости бревенчатым четырехстенным шалашом без пола, без потолка, без окон (кота-куда, куа), который своими формами напоминает

древнее восточногерманское жилище, К куде-коте, мало! приспособленной к условиям сурового климата, черемисы и мордва присоединили первобытную курную избу, ?| ^заимствовав ее, может быть при посредстве исчезнувших Яших в настоящее время приокских финских народностей, |1 Шу литовско-латышских племен. Обе эти формы жилища перешли к чувашам и держались до тех пор, Ц : пока рядом с ними не появилась "русская" изба. Особых!! форм жилища, которые мы могли принять за наследство! ; древнеболгарской старины, у чуваш нет, и болгары, стало|| 1|быть, в области деревянной архитектуры ограничили!! ^усвоением того, что давала уже в готовом виде среда. ||

С' Не так легко решается вопрос об обстановке дома - ме-Ц т бели и утвари, приготовленных из дерева. Арабы сообщают, что у болгар приволжских, как и придунайских ; были в употреблении столики; на которых ставились пред каждым отдельным гостем кушанья; в окрестностях Би-; лярска~были найдены в случайно разрытой древней мо-Кгиле шесть деревянных ложек, поступивших в Лихачеве -: кий, ныне городской, казанский музей. Ложки эти, по* ^-описанию Лихачева, отличались изяществом работы, с ; '(выгнутыми ручками (у одной ручка была даже фигурно* обточена); особенно - формой и отделкой - отличается ; одна ложка, поперечно-овальная.

В последнюю поездку к • вотякам в августе и сентябре 1903 года автору этих строк > удалось встретить у них род болгарской поперечно-овальной ложки: в одном молельном шалаше (храм, бадзим-куа) : Елабужского уезда оказалась целая коллекция таких по- ; : перечно-овальных ложек с выгнутыми длинными ручками; они употребляются в настоящее время исключительно-" но при жертвоприношении для расхлебывания бульона, ; который получается от варки жертвенного животного. Принимая во внимание то, что при жертвоприношениях у волжских инородцев употребляются исключительно пред меты древней бытовой обстановки, мы можем предполо-; ; жить, что в данном случае имеет дело с ложками старого •ivotско-болгарского типа, который болгары могли найти у туземцев. Иначе стоит дело с другой утварью, которая йтакже в настоящее время употребляется исключительно при языческих жертвоприношениях, с разными черепками, украшенными изображениями животных - лошадей, медведей, птиц на ручках. Черпаки эти встречались исключительно на территории черемис и чуваш; так в ту же ; осеннюю поездку к вотякам автору этих строк удалось ^/встретить нечто подобное у вотяков Глазовского уезда. Сравнивая черпаки черемис и чуваш (коллекция таких черпаков доставлена автором в музей императора Алек-; ; сандра III), легко заметить: 1) что большее разнообразие ; форм встречается у чуваш и, стало быть, от них идут эти ;|;формы утвари к черемисам, а не наоборот; 2)

что формы ^чувашских черпаков имеют для себя аналогию, с одной стороны, в кумысных черпаках казахов (форма с кольцами и завитками, вырезанными из одного с ка дерева), с другой - в черпаках скандинавских.

СКАНДИНАВСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Появление форм скандинавской утвари рядом с формами тюркскими можно было бы объяснить так, что болгары присоединили тюркские формы к формам, заимствованным финнами у северогерманцев. В пользу такого объяснения могли бы говорить древние заимствования в

- |области форм жилища. Но против него говорит одно решающее обстоятельство: в то время как общефинское заимствование куа (шалаша) - в одном и том же виде встречается у черемис, мордвы, вотяков, черпаки скандинавского типа не встречаются ни у мордвы, ни у вотяков и локализируются исключительно на чувашско-черемисской территории; мы имеем, стало быть, дело с заимствованием более поздним, приуроченным к Волге, и вопрос о том, кто сделал заимствование первый и популяризовал его - чуваша, болгары или черемисы, решается без колебаний
- • \в пользу первых: с ними, а не с черемисами, вели сношения северные "русы", которые приезжали сюда с торговыми целями и могли привозить с собою свои товары, как привозили вооружение (мечи) и другие принадлежности бытовой обстановки.

КЕРАМИКА

Путем торговых сношений с Востоком добывали болгары образцы и для керамических изделий. Горшечное производство возникло в бассейне Волги - Камы задолго до появления здесь болгар: из бронзового века (могильники §Ананьинский и Каракулинский) идут определенные фор-

||мы маленьких сосудов, сделанных от руки и довольно бо-
1||гато орнаментированных. Принесли ли болгары сами ка-
кйе-нибудь новые формы, сомнительно; кочевники, тюр-
ки и монголы вообще с большей охотой применяли для
посуды продукты скотоводства, кость и кожу, чем глину.

Сохранившиеся в почве Болгарии керамические изделия
идут по большей части из Средней Азии своими форма-||ми; таковы сосуды! для воды,
кувшины для омовения, лампы. Один вид керамических изделий идет, по-видимому, Йот
арабов. Это неизвестного назначения конические но-Явые сосуды с узким отверстием и
очень толстыми стенка-ими. Такие сосуды были в ходу у арабов IX - X вв. и служи-Зли
ручными гранатами. Возможно, что с тем же назначе-йнием - вносить огонь в поселения
или на суда врагов -Цчасть их - неорнаментированная - проникла первоначаль-1но и в
Болгарию.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

і Большое значение в жизни края имели предметы, при-Шготовленные из металлов.
Известное летописное сказа-§ние о народах, заключенных в Уральских горах и просив-
Щших у пришлых купцов железо, ярко обрисовывает основ-||ную нужду края. Железо
было насущной потребностью Цфиннов в пору появления болгар, и распространением
Цего болгарские торговцы сослужили краю крупную куль-штурную службу. На северо-
востоке крайним пунктом бол-Цгарской торговли железом была страна Югры (Юра, по
Цнаписанию арабов). Андалуси говорит, между прочим, о Цкаких-то "простых
клинках", которые привозили югре Цболгары из мусульманских стран; клинки эти
служили Цюгре для того, чтобы бить ими морских зверей (гарпу-|;ны). На северо-западе
пределом болгарской торговли Цбыла, кажется, страна Мери: топоры, маленькие
топорники, наконечники стрел, встречающиеся в мерянских могилах по своим формам
оказываются очень близкими к болгарским. Торговали ли болгары привозными из Сред-
k ней Азии вещами, или выделывали железный товар на месте, остается открытым
вопросом. Железодельная ^промышленность - старая специальность тюркских пле-
•Бен и знакомство с ней болгары могли принести еще из "Азии, но для ее развития
требовались соответствующие /:местные условия, и едва ли почва Волжской Болгарии «-
давала нужный рудный материал. Формы некоторых орудий, например, маленьких,
иногда инкрустировавшихся, топориков, тождественны с среднеазиатскими и опреде-
ленно указывают на свое происхождение. Местным про-:f изводством была, наоборот,
несомненно, обработка меди и различных бронзовидных сплавов

ОДЕЖДА

Древнеболгарский костюм можно восстановить только гипотетически на основании тех заимствованных тюркских элементов, которые сохранились в современном

костюме финских народностей Волжско-Камского края и чуваш. До известной степени мы можем идти здесь тем же путем, каким лингвисты идут к реставрации древнеболгарского языка. В формах и орнаментах женского костюма черемис, мордвы, вотяков, крещеных татар и бесермян мы встречаем ряд элементов, тождественных с чувашскими и идущих, по-видимому, из древнеболгарской поры. Начиная наш обзор с головных уборов, мы имеем: 1) украшенный серебряными монетами женский головной убор, в виде более или менее широкой повязки с ремнем, спускающимся на спину (у черемис, бесермян и чуваш - хошпу, кашпу, ошпу); 2) девичий конический головной убор, ушитый серебряными монетами (у бесермян, вотяков, чуваш - такия тохья); 3) платок с вышитым начельшем, употребляющийся у замужних женщин (чалма - вотяки, чуваш); 4) полотенце с расшитыми краями, которым повязывается голова замужней женщины (черемисы, вотяки, крещенные татары, чуваш); 5) плечевая перевязь, укр. рашенная монетами, обшитая по краям раковинами каури (черемисы, крещенные татары, чуваш); 6) поясные, расшитые шелками или бисером, подвески; (мордва, горные черемисы, чуваш).

Все эти принадлежности женского костюма, а с ними вместе рубашки и летние холщевые кафтаны,; покрыты у финнов Волжско-Камского края, как и у чуваш, вышивками, которые и материалом, и мотивами свидетельствуют о болгарском

влиянии: на старинных принадлежностях женской одежды матери-алой для вышивки служит шелк, который носит болгарско-чувашское название - болгар. *burcin*, чер. *paršen*, морд. *paršej*, чув. *poržen*; в отношении же орнамента: та сравнительное исследование дает такую картину: наибольшее количество мотивов, включающее в себя; мотивы черемис, мордвы и отчасти вотяков, представляющие вышивки чуваш; в ближайшем родстве с чувашскими и повторяющимися наибольшее количество мотивов оказывается орнамент черемисский, за которым следует по количеству общих с чувашами мотивов орнаменты мордовско-мокшанский, мордовско-эрзянский и, наконец, вотяцкий.

Сравнительное исследование форм костюма и мотивов орнамента приводит, таким образом, к неоспоримому выводу, что в области прикладного искусства, каковым является вышивание, чуваша-болгары являются законодателями и учителями для финских народностей Волжско-Камского края.

ВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ

Но свет искусства, которым светили чуваша-болгары народам Поволжья, был не самобытный, а заимствованный: и материал, и мотивы вышивок ведут исследователей к культуре иранских народностей Средней Азии и Персии; не перечисляя отдельных мотивов, о которых неудобно говорить без цветных таблиц, достаточно указать на такие характерные мотивы, как обращенные в противоположные стороны конские головы, дерево с симметрично поставленными около него животными, человеческие фигуры, также симметрично стоящие около предмета, который В.В. Стасов считает стилизацией жертвенника.

В меньшей степени ясна роль болгар в распространении и изготовлении другого рода украшений — металлических, бронзовых и серебряных; таковы цепные кольца или гривны, плетенные из толстой серебряной проволоки, такие же браслеты, медальоны в виде заменивших крупные монеты серебряных круглых блях с ушками, филигранные серебряные перстни, бронзовые фибулы с подвесками в виде гусиных лапок и колокольчиков на цепочках, бронзовые подвески в виде птичек и животных. Украшения, плетенные из серебряной проволоки, считают по происхождению арабскими; лучшие образцы филигранных работ идут также с Востока; менее ясно происхождение бронзовых украшений, общих у болгар с финскими народностями Волжско-Камского бассейна - югрой, Пермью, мерей. Решающим здесь, кажется, должно явиться то обстоятельство, что украшений этого типа нет ни у современных чуваш, ни у черемис, если не считать медных гребенок с двумя конскими головками,

обращенными в противоположные стороны. Раз у этих двух народностей, сохранивших наибольшее количество элементов древнеболгарской культуры, нет севернофинских украшений, можно вполне основательно предположить, что их не употребляли болгары; присутствие таких находок в почве Болгарии объясняется тем, что болгары только изготовляли для северных фин.-; я-нов их любимые украшения, как изготовляет в на-н стоящее в'ремя русский крестьянин с. Рыбная сло-У:; бода, Чистопольского уезда, различные металличес-; W кие украшения по вкусу вотяков, татар, черемис №Й: чуваш. На украшениях мы можем закончить обзор/ материальной культуры болгар и подвести итоги дляуд; того, чтобы удобнее перейти к другим сторонам их!; V влияния - к влиянию в области социальных отноше- ? ний и духовной жизни. Главное значение болгар для северо-восточной России и Поволжья заключается в том, что они расширили и оживили товарный об- ; мен и этим путем создали новые направления в собственной деятельности племен, с которыми им при- ; ходилось иметь дело (припомним толчок, данный: болгарями в области деятельности художественно-промышленной). Совершенно естественным в силу этого является факт, что именно в этой области бол-Щ тары оказали наиболее глубокое влияние на идей-Щ ный мир волжско-камских финнов: термины для обозначения цены, денег, прибыли, убытка, рынка, товара, долга, роста черемисы и вотяки заимствовали;!;? у чуваш-болгар. Уже путем правильных торговых сношений с на- :родностями Волжско-Камского края болгары моглиЩ; оказывать известное влияние на социальный строй™ этих народностей, вызвать, например, их расслое-, ; ние на богатых и бедных. %s;

'•, Известное влияние болгар оказывали на соци~|;|'

1альные отношения края и непосредственно. s":

СОШЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Социальный и политический строй Волжской Бол-;!! гарии в источниках представляется недостаточно;:.;' ясно. Арабы говорят об едином царе (хане) болгар,И упод властью которого находились меньшие царьки.Щ :i:В X в. Болгария была, таким образом, политичес-uf! ;1ким организмом, который слагался из нескольких!;! 1меньших. Основу, из которой вырос этот организм,Ц-ч нам дает возможность выяснить язык - те термины/; социальных отношений, которые были заимствова-й; ны у болгар финнами. В языках пермской группы*; мы встречаем древнеболгарские слова, проливающие свет на характер тех первичных, мелких групп, из которых слагалось болгарское государство: betse — сосед, родственник, buskel - сосед, родственник, liska

- сосед, родственник, друг. В трех этих заимствованиях из чувашско-болгарского характерно то, [что сосед и родственник обозначаются одним термином; значит, древнеболгарские аулы были поселениями родов, подобно чувашским "околоткам" и вотяцким азбарам. Чужой был для членов этих родовых групп врагом, как показывает значение слова *dusmon*, заимствованного вотяками и черемиса-Эми у болгар. О характере отношений между родами & дает понятие способ приобретения у болгар невест-*Vjrbi* - куплей. Торговый народ, располагавший разнообразными меновыми единицами - мехами, деньгами - сделал и женщину предметом мирной торговой сделки, поднявшись над теми отношениями муж-дуродовой борьбы, которые вытекали из похищения невесты. Болгарские слова, уцелевшие в виде заимствований у вотяков, раскрывают перед нами всю картину купли женщины: уступалась она за определенную плату (*kulim, kalim, xolum*); сделка совершалась при посредничестве свата или свахи (вот. *kudo, tuklaksi*). и' Об экономических отношениях между членами ; ^рода-аула говорит то, что родичи, обособившись хозяйственными, помогали друг другу в работах (*neme -Йпомочь*). Сочетанием таких родов были, конечно, три •^племени (береула, эсегель, болгар), на которые распались волжско-камские болгары. Может быть, группы обозначались термином *jex*.

Над родовыми старейшинами, которые управляли родами-аулами, поднимались ханы (кон.хон), в руки ^которых перешла главнейшая функция родовладык *Ш*-судебная. Функцию эту они выполняли и непосредственно чрез особых агентов - судей (*1цге*). Заимствованное вотяками из древнеболгарского языка; ;ка слово *kemdele* - свидетель - вводит нас отчасти в древнеболгарский судебный процесс. Не рискуя значительной ошибкой, можно предположить, что у болгар приволжских существовал такой род *nb?*_J?f~O* о котором говорят болгары дунайские в своих известных "вопросах" папе Николаю: судьи, чтобы добиться от обвиняемого признания, били его палкой по голове. Арабы сообщают сведения и о наказаниях, практиковавшихся у болгар. Сведения эти дают нам возможность попутно констатировать, что болгарский род-община лишился юрисдикции по отношению к важнейшим преступлениям против личности -

- убийству и нарушению супружеской верности. В
- и: случае убийства болгары, по свидетельству Ахмед-
- ; ; туки, убийцу запирали в деревянный сундук и веша-
- , , ; ; ли на высоком столбе, оставляя умереть от холода 1 или зноя. Прелюбодея привязывали за руки и за ноги >й'к четырем кольям, вбитым в землю, и разрубали се-йй'кирой, начиная от шеи до бедер. сй'к* За исполнение судебных и административных обя-
- |*'"занностей хан взимал с населения дань (вот. kors', i ; чер. йозак) по старому кочевому обычаю с продук-|Ш тов скотоводства - лошадиными и воловьими шку-
- Крами, а в некоторых случаях и живым скотом. С про-
- i> ; дуктов земледелия подати не взимались - вероятно,
- ••.-'.!однако, только с чистоболгарского населения, ко-і •торое представляло своего рода господствующий
- Щкласс. О духовном мире древних болгар некоторое ^представление дают соответствующие заимствован-
- ЦЦные слова черемис и вотяков. Если прав Мункачи;
- Жвыводящий остячко-вогульское Торым - бог из чувашского Торрём (бог мой), то бог у болгар назывался, как и у чуваш, Тора, и их было столько же, ййсколько чувашских богов (неба, солнца, луны, воды Щи т.д.). Судя по применению у черемис вотяков и пермяков к религии терминов, характеризующих
- Щземную власть - кан, - он - хан, сакче - сторож, по-рЯсылный _ можно предположить, что богов своих ||болгары представляли в виде ханов, управляющих
- |в|отдельными группами явлений.

РЕЛИГИЯ

иц Умилостивив ханов земных данью, ханов небесных

- *йболгары умилостивляли жертвами - преимуществен-11|но животными (вот.-ос. jir, чув. jexex, вот. tsek - жер-|;йтвенная формула, чув. tsuk - жертва, чер. чоклам -If молиться). Одно темное свидетельство Йбн-Фадла-Щна по связи с пережитками человеческих жертвоп-Щриношений у чуваш можно толковать как указание Щна на наличие человеческих жертвоприношений у Шдревних болгар: человека особенно ловкого и све-Цдущего, говорит Ибн-Фадлан, болгары, набросивши Шему на шею петлю, вешали на дерево в предложе-Ц|нии, что ему приличествует служить богу.

Вотяки в Ясвоем весеннем молении, которое носит чувашское Шназвание ака-яшка (плуговой, пашенный суп), сохра-Щнили указания на то, что у древних болгар были и Шпериодически общие моления.

Ц Рядом с духами явлений природы древние болгары | чтили духов усопших. Культ этот удержался и после 1 принятия болгарами ислама, принявши в виде культа Керемета слегка мусульманскую окраску. У арабов g Карамат означает сверхъестественную силу святого Ц(усопшего) человека. Ощущаться эта сила могла, ко-ЦЦнечно, всего более на могилах святых, которые и Используются глубоким почтением и у истых мусульман. Этот культ могилы могущественного святого болгарская масса связала с отеческим культом усопших, осо-Щбенно усопших, обладавших при жизни могуществом: Цслово Карамат получило теперь значение духа усоп-Ш шего, способного карать за непочтение, духа могуще-;!? ственного предка и в этом значении перешло от болгар-чуваш к черемисам и вотякам.

В роли посредников между людьми и духами у болгар являлись ворожецы, бывшие одновременно и врачами. Указанием на функцию знахарей и ворожец у болгар являются слова, заимствованные из чувашско-болгарского вотяками и черемисами: вот.јит – лечение, лекарство, чув. Волшебство, заклинание.

К числу заимствований, сделанных у болгар волжскими финнами и характеризующих древнеболгарскую культуру, следует отнести единицу деления времени – неделю (апа вот., апа чер.). Черемисское название среды – малая неделя (изярня) и пятницы – большая неделя (кугарна) позволяет предположить, что болгары знали когда-то пятидневную неделю.

Публикация доктора исторических наук профессора

Василия ДИМИТРИЕВА.

Публикация доктора исторических наук, профессора Василия ДИМИТРИЕВА,

